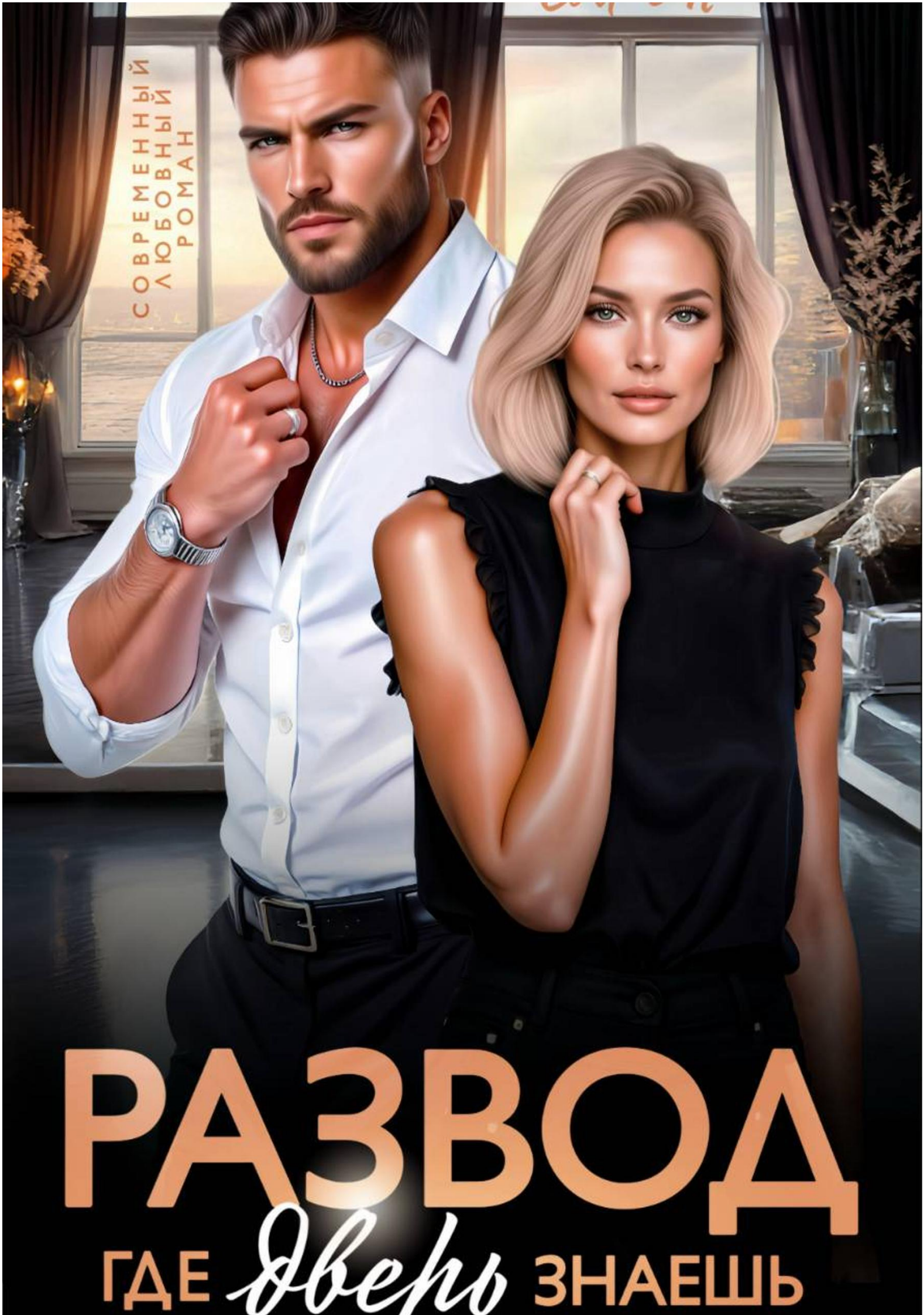

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
РАЗВОД
ГДЕ Двери ЗНАЕШЬ

Ева Эн

Развод. Где дверь знаешь!

«Автор»
2026

Эн Е.

Развод. Где дверь знаешь! / Е. Эн — «Автор», 2026

Он забыл, но я помню всё. История о том, как одна случайная командировка привела к трагедии, амнезии и полному краху иллюзий. История о женщине, которая, столкнувшись с предательством, вынуждена пройти через сложный путь, чтобы собрать воедино осколки прошлого и решить, что делать с будущим, которое больше никогда не будет прежним.***- Ваш муж попал в аварию на трассе М-11 Москва-Санкт-Петербург, - сообщает мне незнакомый голос.Мир вокруг начинает кружиться. Я судорожно сжимаю телефон в пальцах.- Авария? Что что с ним? Жив? Где он?- Сейчас его готовят к транспортировке в Городскую клиническую больницу 71. Состояние крайне тяжёлое.В голове словно кто-то хаотично переключает каналы. Ничего не понимаю.- Рядом с ним в машине находилась девушка, - продолжает голос в трубке. - Вы не знаете, кто она?Я ошарашено молчу, не в силах вымолвить ни слова.Девушка? Какая ещё девушка?- Не может быть! Это ошибка, - едва шевеля губами, шепчу я. - Кирилл должен быть на пути в Казань!

© Эн Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Ева Эн
Развод. Где дверь знаешь!

Глава 1

Я прислоняюсь плечом к дверному проёму, наблюдая, как мой муж аккуратно складывает вещи в дорожный саквояж.

- Почему именно в выходные? - спрашиваю я, стараясь придать голосу непринужденность.

Он слегка замедляется, продолжая укладывать рубашки и деловые бумаги. Его брови чуть сдвинуты - признак глубокой концентрации, которую он привык проявлять, решая сложные вопросы.

- Новый строительный объект в Казани требует моего присутствия, - отвечает он, не поднимая глаз. - Местные проектировщики там что-то напутали, и мне нужно лично разобраться. Кажется, в спецификациях не учли особенности почвы, придется вносить коррективы. Ты же знаешь, как это бывает, если упустить детали на начальном этапе - потом проблем не оберёшься.

Кирилл ни много ни мало занимает должность регионального директора по строительству крупной девелоперской компании.

- Понимаю, - киваю я, стараясь выглядеть сопереживающей. Его работа действительно непредсказуема, и я давно привыкла к внезапным командировкам. Но внутри зреет мысль о грядущей свободе. Два дня дома одной - редкая и ценная возможность. Я обожаю мужа, но после 18 лет брака начинаешь особенно ценить моменты, когда можно побыть наедине с собой.

В голове уже роятся планы. Лежать на диване перед телевизором, смотреть любимый сериал без комментариев и переключений каналов. Приготовить себе что-нибудь вкусненькое, может, даже что-нибудь острое экзотическое из азиатской кухни, зная, что никто не станет морщиться от запаха и вкуса. Или… не готовить вообще! А заказать доставку...

- Ну, хорошо, - говорю я, стараясь не выдать своего воодушевления. - Будь внимателен на дороге. И не забывай звонить. - Не то чтобы я сильно волновалась из-за Казани, да и Кирилл - водитель со стажем, просто ливневый дождь зарядил ещё с обеда, а вечером в пятницу на дорогах и без того не протолкнуться.

Он наконец поднимает взгляд и улыбается, немного устало.

- Постараюсь. Но предупреждаю сразу, не теряй, - он подмигивает и приближается, чтобы поцеловать меня в щёку.

И вот в этом его спокойствии и есть наша сила. У каждого есть свои недостатки, странности и привычки. И, возможно, иногда полезно немного отдохнуть друг от друга.

Да и потом, что плохого в маленькой передышке?

Возможность побыть с собой, соскучиться, чтобы потом снова вернуться к совместной жизни с новыми силами. В конце концов, любовь это не только близость, но и уважение к личному пространству друг друга. И сейчас у меня есть шанс насладиться этим пространством в полной мере.

- И не устраивай тут шумных вечеринок, - шутит он, в то время, как застёгивает молнию саквояжа и поднимает его.

- Да что ты, какие вечеринки! - отмахиваюсь я, стараясь, чтобы голос звучал не слишком возбуждённо. - Всё будет прилично.

Кирилл усмехается.

- Ладно, поверю на слово. Но если соседи позвонят…

- То я уже взрослая девочка, - перебиваю его с улыбкой. - Счастливого пути, - говорю я, и как только дверь за ним закрывается, в груди разливается лёгкая эйфория.

В голове сразу куча всего. Никаких обязательств, никаких графиков! Только я и мои желания.

Кажется, это будут чудесные выходные!

Сейчас выберу какой-нибудь фильм, или сначала сделаю маску для лица, чтобы побаловать себя домашним спа-уходом. И, пожалуй, открою бутылочку вина. Только для себя. Почему бы и нет?

Но в этот долгожданный момент трудного выбора звонит телефон, и я вижу на экране улыбчивое фото моей подруги Златы.

Вздыхаю. Вот тебе и уединение!

- Привет, Ась, чем занимаешься? - раздается в трубке её энергичный голос.

- Да вот, только Кирилл уехал, - отвечаю, стараясь скрыть разочарование. - В Казань по работе. Собиралась наслаждаться одиночеством.

- О, так я вовремя! - восклицает Злата. - Слушай, тут такое дело… В общем, одной ногой я почти у тебя.

- В смысле? - даже слегка теряюсь.

- В прямом, - продолжает подруга. - Я тут в вашем районе случайно застряла. Машина сломалась, прямо посреди дороги. В общем, сейчас лучше не спрашивай. И дождь этот проклятый льёт как из ведра! - она замолкает, видимо, пытается справиться с раздражением. - А эвакуатор сказали, приедет не раньше, чем через час. Боюсь, что за это время я тут до костей промокну. Подумала бросить машину и у тебя переждать. Ты же не прогонишь?

- Ну что за вопросы! - отвечаю я. - Конечно, забегай. Только предупреждаю сразу, что у меня есть нечего.

- Да какая еда, я тебя умоляю! - отмахивается Злата. - Главное, чтобы вино было! И полотенце, а то я как мокрая курица.

- Вот с этим ты угадала, - стоически вздыхаю я. - Бутылка сухого красного как раз ждёт своего часа, а полотенце сейчас приготовлю.

- В таком случае, я уже почти у тебя! Жди!

И гудки.

Ну вот… Вечер перестает быть томным.

Планы придётся немного скорректировать… Хотя, почему скорректировать?

Домашний спа-салон и кинозал на двоих - звучит даже веселее, чем в одиночку!

***

Уже через полчаса, мы с подругой сидим на диване перед телевизором, обложившись подушками, на наших лицах смешные тканевые маски с мордочками животных, а в руках по пузатому бокалу красного.

- Ну и красавицы мы, Ась! - смеётся Злата, поворачиваясь ко мне.

- А то! - отзываюсь я, и тоже не могу удержаться от смеха, разглядывая её маску. Круглые чёрные глаза панды... - Тебе очень идёт!

Несмотря на очаровательные рожицы, наш разговор сразу же перетекает в обсуждение популярного турецкого сериала, на котором мы обе зависли.

- Слушай, ну какой Кемаль красавчик! - мечтательно вздыхает подруга, засматриваясь на киногероя. - Идеальный мужчина!

- Идеальных не существует, Злат. Я тебе как человек, 18 лет замужем, говорю. Он, конечно, хорош, спору нет, но слишком уж страдающий. Кирилл у меня, конечно, не такой драматичный, но зато надёжный.

- Ну да, твой Кирилл - это стабильность, порядочность, ипотека, - поддразнивает она. - А мне хочется чего-то… эдакого! Чтобы страсть, романтика, роковые взгляды из-под тёмных бровей!

- Страсть и романтика - это хорошо, пока посуду за ним не моешь и носки по периметру жилья не собираешь, - усмехаюсь я. - А твой Кемаль наверняка из тех мужчин, кто считает, что в доме есть волшебный гном, который всё это тайком делает.

- Ну и что? Зато какой! Невероятно сексуальный! - Злата демонстративно закатывает глаза, и маска пандочки на её лице забавно морщится. - Я бы за таким посуду мыла!

- Ну да, а потом сидела бы и жаловалась, что он, видите ли, не обращает на тебя внимания, потому что слишком занят собой и своими страданиями! - я отпиваю глоток вина, чувствуя, как потихоньку начинаю расслабляться.

- Да ладно тебе, Ась, - отмахивается Злата. - Помечтать-то дай! У тебя-то вон, всё стабильно, надёжно, понятно. А у меня что? Скука смертная!

- Скука? Ну-ну, - усмехаюсь я. - А как же твой новый ухажер, этот дизайнер… как его там?

- Артем? Да ну его, - фыркает Злата. - Слишком правильный. Всё время говорит о каких-то трендах, коллаборациях, о том, как важно выглядеть стильно. С ним даже шашлыки нормально не пожаришь - он же потом три дня будет рассказывать, что мясо было неправильно замариновано.

- Мда, серьёзная проблема, - я не могу сдержать улыбку. - Ну, зато по Кемалю прям видно, что он спец по мангалам!

В эту секунду мы со Златой встречаемся взглядами, и дружно прыскаем со смеху; мордочки животных комично подскакивают на наших лицах, добавляя нелепости происходящему.

- Просто иногда хочется чего-то… не знаю… непредсказуемого! - многозначительно произносит Злата, откидываясь на спинку дивана.

И словно по заказу, в этот самый момент раздаётся звонок моего телефона. Сердце отчего-то неожиданно ёкает.

На экране высвечивается фото Кирилла.

- Уже соскучился? - спрашиваю я с улыбкой, как только принимаю вызов.

В трубке раздаётся незнакомый мужской голос:

- Алло? Скажите, пожалуйста, кем вы приходитесь хозяину этого телефона?

Внутри всё замирает. Смех застревает спазмом в горле. Я слышу вдалеке вой сирены, отчётливый шум дождя и гудки машин.

- Я… я жена, - с трудом выдавливаю из себя. - Что с Кириллом?

На другом конце повисает тягостное молчание. Потом, тяжело вздохнув, голос продолжает:

- Ваш муж попал в аварию… на трассе М-11 Москва-Санкт-Петербург.

Мир вокруг начинает кружиться. Я судорожно сжимаю телефон в похолодевших пальцах, боясь что он просто выпадет у меня из рук.

- Авария? Что… что с ним? Жив? Где он?

- Сейчас его готовят к транспортировке в Городскую клиническую больницу № 71. Состояние крайне тяжелое.

В голове словно кто-то хаотично переключает каналы. Ничего не понимаю, не могу связать поток мыслей в единое целое.

- Рядом с ним в машине находилась девушка, - продолжает голос в трубке. - Вы не знаете, кто она?

Я ошарашено молчу, не в силах вымолвить ни слова.

Девушка? Какая ещё девушка?

- Не может быть! Это ошибка, - едва шевеля губами, шепчу я. - Кирилл должен быть на пути в Казань! Что вообще происходит?

Глава 2

В голове мелькают обрывки фраз, словно кто-то безжалостно кромсает их ножницами и бросает, как мусор, прямо под ноги.

Я пытаюсь ещё что-то ответить, но язык прилип к нёбу. Смотрю на Злату, но вижу её лицо как сквозь стекло, сплошь покрытое каплями от дождя. Или это я плачу?

“Кирилл… должен быть в Казани…” - хочу произнести ещё раз, громче, словно это может изменить реальность.

Голос в трубке продолжает говорить что-то ещё, но я уже не слышу. В ушах белый шум.

Злата выхватывает телефон из моих рук. Я смотрю на неё, как на спасительный круг. Она что-то отвечает, быстро и чётко, задает вопросы, получает ответы. А я просто стою, как будто оглушённая, в домашней пижаме с идиотскими мишками, и с маской панды, сползшей с половины лица.

Мозг выдает ошибку: “Девушка? Авария? Кирилл?”

Если бы не подруга, я бы так и поехала - в чём была, в том и рванула бы в больницу. Начинающаяся истерика подталкивает к действию, лишенному логики.

Руки трясутся, но я пытаюсь действовать. Хватаю паспорт, на всякий случай нахожу и беру с собой свидетельство о браке - ещё одно доказательство нашей совместной жизни, актуальность которого сейчас под огромным вопросом.

А что? В такой неразберихе не знаешь какой документ может понадобиться.

Суетливо нашариваю ключи от машины, натягиваю куртку, готовая сорваться с места. Но Злата вовремя останавливает меня:

- Стой, Ась. Куда ты в таком состоянии? Ты же сейчас дров наломаешь. Иди, переодевайся, а я пока такси вызову. Поедем вместе, - она говорит это спокойно, но твёрдо. И в её словах есть логика, которую я в своем исступлении не замечаю.

- Да, - потерянно озираюсь. - Конечно! Ты права.

Быстро стягиваю пижаму и наспех напяливаю первое попавшееся в руки платье. Злата помогает мне застегнуть молнию, говорит что-то ещё, но я не слышу слов, словно нахожусь под водой.

В такси подруга крепко сжимает мою руку, а я отрешённо смотрю в окно. Капли дождя стекают по стеклу, словно слёзы по щекам. Город в вечерних огнях кажется мне каким-то чужим, враждебным.

Кажется, что мы едем слишком медленно. Если бы чуть быстрее, то... Что? Мне бы удалось опередить время? И… помочь? Исправить? Предотвратить?

Глупо, конечно!

Сейчас я не думаю ни про незнакомку в машине мужа, ни про Питер, ни про его странную командировку в Казань. В голове пульсирует только одно:

“Главное, чтобы Кирилл выжил!”

Ипотека, порядочность, стабильность… - вот что такое мой муж, по словам Златы. Со стороны ей всегда казалось, что в моей жизни слишком мало страсти, слишком много предсказуемости. И вот она, непредсказуемость, во всей своей ужасающей красе!

Мало страсти? Сейчас её, хоть отбавляй! Страсть боли, страсть страха, страсть отчаяния...

На парковке возле больницы Злата расплачивается с водителем, и мы выходим под ледяной дождь. Делаю глубокий вдох и… шаг навстречу неизвестности, сжимая в руке паспорт и дурацкое свидетельство о браке.

***

В приёмный покой не вхожу, а влетаю, как вихрь, не замечая косых взглядов. Здесь - яркий свет, гул голосов и ощущение всеобщей суеты.

Злата сразу тянет меня к стойке регистрации. И вот перед ней я останавливаюсь и замираю, как парализованная, не в силах вымолвить ни слова.

Подруга говорит с медсестрой, показывает мои документы, называет фамилию Кирилла.

Та что-то печатает в компьютере, потом поднимает на меня сочувственный взгляд.

Сердце пропускает удар...

- Вам нужно пройти в отделение реанимации, - сообщает она. - Это на втором этаже. Но я вас сразу предупреждаю, состояние пациента крайне тяжелое.

Киваю. И даже выдыхаю с облегчением:

“Пусть так, главное, живой!”

Пока поднимаемся, мой пульс отсчитывает ступени.

В коридоре отделения реанимации - полумрак, писк приборов, мерный шум аппаратов искусственного дыхания. Здесь пахнет отчаянием, безысходностью и надеждой. За стеклом вижу сразу несколько коек, за каждой - силуэты врачей и медсестёр.

Нас встречает мужчина в белом халате. По его лицу понимаю, что ничего хорошего он не скажет.

- Вы жена Ковалевского Кирилла Сергеевича? - спрашивает он.

Я с трудом киваю.

- Я - доктор Попов, лечащий врач вашего мужа. Его состояние крайне тяжелое. Внутреннее кровотечение, множественные травмы, сопровождающиеся острым нарушением жизненно важных функций, требующие проведения хирургических и реанимационных мероприятий. Мы делаем всё возможное.

Его слова звучат как приговор. Становится трудно дышать. Чувствую, как теряю сознание. Злата крепко держит меня, не дает упасть.

- Каковы шансы? - спрашивает она за меня. Её голос звучит твёрдо, несмотря на переживания.

Попов тяжело вздыхает.

- Сейчас трудно говорить о прогнозах. Состояние нестабильное. Мы боремся за его жизнь. Будем надеяться на лучшее.

- Я могу его увидеть? - хриплю я, превозмогая накатывающую от страха тошноту.

Врач смотрит на меня с сочувствием.

- Сейчас - нет. Реанимационные мероприятия ещё не закончены. Завтра утром я позволю вам зайти на несколько минут. Но, - он делает паузу, - будьте готовы к худшему.

“Будьте готовы к худшему…” Эти слова как выстрел в упор. Всё внутри обрывается.

- И ещё… - добавляет Попов, будто вспомнив что-то важное. - В машине с вашим мужем находилась девушка. На вид ей лет восемнадцать. Документов при ней не обнаружено, а телефон оказался заблокирован. Вы не знаете, кто она? Нужно оповестить родных.

Он смотрит на меня вопросительно, ожидая ответа. Я же чувствую, как земля уходит из-под ног; в голове - смешанные чувства.

- В каком она состоянии? - вмешивается Злата, тут же плечом слегка отодвигая меня себе за спину. Она действует быстро, решительно, словно привыкла разбирать подобные ситуации на раз-два.

Попов вздыхает.

- Ей значительно лучше. У неё сотрясение мозга, несколько ушибов и перелом руки. Но она доставлена без сознания и сейчас находится в соседнем отделении, в палате интенсивной терапии.

- Могу я… - едва проталкиваю слюну по пересохшему от волнения горлу. - Если я увижу её, то, возможно, смогу узнать…

Доктор сдержанно кивает.

- Только недолго.

Пока мы идём по коридору, я перебираю в голове возможные логические варианты:

Коллега по работе? Случайная попутчица?

Зачем я ищу мужу оправдания?

Злата на последок участливо сжимает мои пальцы и остаётся ждать в коридоре. Перед тем, как войти, делаю глубокий вдох.

- Пять минут, - напоминает мне Попов, и открывает дверь.

Вхожу одна. Лёгкие горят, в ушах - звон.

В палате полумрак, только слабый свет мониторов освещает койку и лежащую на ней молодую девушку.

На автомате подхожу ближе. Она лежит без сознания, одна сторона лица сильно опухла, другая - вся в ссадинах и порезах. На голове - повязка, рука в гипсе. В нос вставлены трубки, на пальце - датчик.

Я не сразу узнаю её... Видимо, обеспокоенное сознание напрочь отказывается воспринимать действительность.

А потом...

Реальность бьет под дых. Всё оказывается гораздо хуже, чем я могла себе вообразить.

Это… Лиза?

Подруга нашей дочери. Она почти как член семьи. Всего на год старше Ани. Лиза?! Здесь? С моим Кириллом?

Глава 3

Мир качнулся, и я хватаюсь за край кровати, чтобы не упасть. В голове стучит пульс, словно кто-то упорно барабанит по черепу изнутри.

Лиза! Эта девочка мне почти как дочь! Как они оба оказались на трассе Москва-Питер?

Это какая-то жуткая, нелепая ошибка. Могло ли такое случиться в моей жизни? Только не с моей семьей, не с моим “надёжным” и “стабильным” Кириллом!

Командировка мужа в Казань на выходные… Откуда тогда Питер? Что всё это значит?

Где-то внутри шевелится холодный, липкий страх...

Это какая-то ошибка? Или тщательно скрываемая сторона жизни моего мужа, о которой я даже не подозревала?

Вместо истерики - то ли шок, то ли оцепенение. Я словно не способна больше чувствовать, думать, дышать.

В этот момент Попов трогает меня за плечо.

- Время вышло. Вам нужно выйти.

Киваю, как марионетка, не в силах произнести ни слова. Выхожу в коридор.

- Ну как? - интересуется врач. - Вам знакома девушка?

Бессознательно мотаю головой. Не могу произнести ни слова. В горле ком. Попов смотрит на меня ещё несколько долгих секунд, предлагает нашатырь, но принимает моё молчание за отказ и оставляет нас со Златой одних.

Подруга тоже глядит на меня взволнованно, вопросительно, но, видимо, выражение моего лица заставляет её сжать губы и молчать. Она просто подхватывает меня под руку и ведёт прочь от палаты интенсивной терапии.

Усаживает меня на один из жёстких, обитых дерматином стульев в коридоре реанимационного отделения. Спина немеет, но я не чувствую дискомфорта. Сейчас всё физическое кажется далёким и неважным.

- Ась, что происходит? - тихо спрашивает Злата, присаживаясь рядом. Она осторожно берёт мою руку в свою. Её прикосновение - единственное, что сейчас удерживает меня от того, чтобы не развалиться на части.

В том-то и дело, что я не знаю, что происходит. Я вообще ничего больше не знаю!

Кажется, что сейчас я настолько дезориентирована, что не понимаю, где верх, где низ.

В голове - бессвязный рой мыслей.

- Это… Лиза, - шепчу я, чувствуя, как предательские слёзы подступают к горлу. - Анина подруга. Наша Лиза.

Девочка из неблагополучной семьи. В десять лет они с Аней познакомились на кружке танцев. Я водила Анечку на хореографию в центр, и тоже Лиза приходила, но она оставалась в коридоре и смотрела на девочек в танцклассе сквозь стекло, наблюдая и повторяя за ними движения.

Добрая и отзывчивая Аня, сразу прониклась к ней симпатией. Они стали неразлучны.

Лиза... маленькая, худенькая, с огромными, полными тоски глазами, но такими живыми, такими целеустремленными. Танцы были для неё недостижимой мечтой, сказкой - возможностью вырваться из той тяжелой реальности, в которой она жила. Мы стали оплачивать её занятия. Анечка очень просила. Да и как можно было отказать?

Девочка оказалась невероятно талантливой. Мы стали ей семьей. Поддерживали её во всем, радовались успехам. Кирилл всегда говорил, что видит в ней огромный потенциал.

И вот теперь…

Злата замирает, поражённая не меньше меня. Вижу, как она невольно хмурится.

- Что… Что это значит, Ась? А как же командировка… в Казань… Он что, врал?

- Я не знаю, - отвечаю едва слышно. - Правда, не знаю! - срываюсь я. - Он сказал мне, что едет в Казань. Все выходные должен был там быть. Почему Лиза с ним? Это ошибка?

- Или твой Кирилл жил двойной жизнью, - тихо, но твёрдо произносит Злата, озвучивая мой тщательно скрываемый страх.

Слова подруги падают точнехонько в самое сердце, заставляя его замереть.

- Почему я сказала врачу, что не знаю Лизу? - испуганно шепчу, почти беззвучно.

Злата хмыкает:

- Ну, в таком стрессе неудивительно. Я бы на твоём месте ей все трубки жизнеобеспечения повыдёргивала! Ибо нечего с чужими мужьями по командировкам ездить.

Громко всхлипываю, не в силах сдержать эмоции. Реакция подруги абсурдна, но этот чёрный юмор приходится сейчас очень кстати: я испытываю какое-то странное, болезненное облегчение.

- Тише, Ась. Тише. Нужно разобраться, что здесь вообще происходит. Давай так, я сейчас узнаю в регистратуре, что да как. Может, хоть какую-то информацию удастся выудить. А ты… просто посиди здесь и постарайся прийти в себя. Хорошо?

Киваю, чувствуя себя совершенно разбитой.

Злата возвращается спустя минут десять, слегка запыхавшись. Её лицо не выражает ничего хорошего.

- Толком ничего не известно, - говорит она, присаживаясь рядом. - В регистратуре разводят руками. Но сидеть здесь всю ночь смысла нет.

- Я останусь... - смотрю на неё невидящим взглядом.

- Ага! Счаззз!!! - фыркает она, словно слышит несусветную чушь. - Ты ему сейчас всё равно не поможешь. А трепать себе нервы можно и дома.

Она протягивает мне пакет.

- Что это? - шепчу я осипшим голосом.

- Документы и ключи от машины. Ещё копия протокола ГАИ… - перечисляет она. - Посмотри, там должен быть адрес специализированной стоянки, куда отбуксировали машину.

Я забираю из её рук пакет, открываю его и среди личных вещей вижу обручальное кольцо Кирилла. Оно блестит в свете больничных ламп, как насмешка. Символ любви, верности, надежды… Кажется, всё рухнуло в одночасье.

- И… ещё его телефон, - добавляет Злата, протягивая мне чёрный прямоугольник. Она встревоженно смотрит на меня; наверное, видок у меня ещё тот, потому что обеспокоенное выражение её лица говорит красноречивее любых слов.

Я вздыхаю.

- Поехали домой, Ась. А завтра… будем решать, что делать дальше.

Киваю, не в силах произнести ни слова. В голове - пустота. Только тяжёлый, свинцовый страх, который сковывает все мои мысли и чувства.

Глава 4

Всю дорогу до дома мы со Златой молчим. В квартире она сразу идёт в гостиную. Здесь всё так, как мы оставили, когда спонтанно рванули в больницу: телевизор с фильмом на паузе, бокалы с вином, разбросанные по дивану подушки.

- Будешь? - спрашивает она, держа в руках полупустую бутылку красного.

Я отрицательно качаю головой. Алкоголь в моём состоянии - это как бензин для костра, не хочу терять остатки самообладания.

Злата пожимает плечами, наливает себе полный бокал и делает большой глоток.

Я до сих пор не выпускаю из рук телефон Кирилла, но залезть и покопаться в нём не решаюсь.

Почему?

Боюсь того, что там найду. Дороги назад уже не будет.

Неотрывно смотрю на чёрный экран и не знаю, с чего начать.

Что искать? Кому звонить? Чьи сообщения читать?

- Это как сорвать пластырь, - со знанием дела говорит Злата, кивая на телефон в моих руках. - Лучше быстро, потому что так и так будет больно.

И она права.

Делаю глубокий вдох, решительно снимаю блокировку с экрана и открываю список контактов.

Некоторое время просто молча листаю SMS. Мессенджеры. Галерею.

Очевидно, что раньше Кирилл тщательно заметал следы: стирал входящие и исходящие звонки и переписки, подчищал сомнительные фотографии, когда возвращался домой после работы. Заботливый муж и отец семейства. Сейчас же у него впереди маячили два дня выходных, поездка, о цели которой теперь я догадывалась - и в его телефоне осталось всё как есть, без прикрас.

В галерее нахожу несколько свежих фотографий. Селфи. Они с Лизой дурачатся в машине, строя смешные рожицы. Она кокетливо высовывает язык, вытягивает губы; он смеётся, запрокинув голову. На другом снимке они прижимаются друг к другу носами, на следующем - целуются.

Я судорожно листаю дальше. Каждый новый кадр - как удар ножом в спину.

Глаза цепляются за детали: его рука на её колене, их переплетённые пальцы.

Они так счастливы на этих снимках.

В мессенджерах та же картина: нежные голосовые сообщения, переписка, смайлики с сердечками, признания в любви; они строят планы на эту поездку, и у этих планов есть будущее.

В этот момент мне хочется стать слепоглухонемой. Кровь стучит в висках, застилая глаза пеленой боли, ярости и отчаяния. Мне хочется кричать, бить посуду, крушить всё вокруг. Но вместо этого я просто сижу и, не двигаясь, немигающе, словно парализованная смотрю на экран телефона.

Я как будто застряла в этом моменте, и только одна мысль пульсирует в голове:

“Как он мог?”

- Предлагаю завтра с утра поехать в больницу и придушить эту молодую козу! - первая нарушает молчание Злата.

- А козла? - спрашиваю я, и в голосе нет ни капли эмоций. Просто констатация факта.

Закрываю лицо руками.

В голове проносится горькое воспоминание:

Лиза, лет шестнадцати, устроившись у нас на кухне, пьёт чай и воодушевлённо рассказывает о своей мечте стать балериной. Кирилл сидит напротив, улыбается ей и говорит: “Ты обязательно станешь. У тебя талант. Мы с Асей тебе поможем”.

Тогда я тоже улыбалась, верила в её мечту. А потом оплачивала Лизе курсы в хореографическом училище, когда она захотела выучиться и поступить в МГХУ имени Л.М. Лавровского. Именно я!

Как эта девочка, которой мы столько дали, которую так оберегали, с которой делили семейные праздники, оказалась в постели с моим мужем? Что я сделала не так? Где я ошиблась?

- Хорошо, что Аня гостит у моих родителей, - выдыхаю я и откидываюсь затылком на подголовник дивана. Все тело ноет от усталости, как после сильнейшего перенапряжения. - Что мне теперь делать, а, Злат?

- Что делать? Жить! - подруга порывисто хватает меня за руки и смотрит прямо в глаза. - Понять, что ты достойна лучшего. Указать этому неверному козлу на дверь из своей жизни и начать всё заново. Ась, тебе всего сорок!

Я слабо улыбаюсь. И даже пытаюсь шутить:

- И Кемалю бы своему на дверь указала?

- И указала бы! - воинственно вскидывает подбородок Злата. В её наигранной ярости чувствуется настоящая дружеская поддержка. - Кемаль Кемалем, а себя нужно любить.

- Любить... - отрешённым эхом повторяю я. В глазах предательски собираются слёзы. - И что теперь? Развод? Скандал? Как сказать Ане?

Мы обе молчим о том, что Кирилл может вообще не пережить эту ночь. Мысли об этом витают в воздухе, но ни одна из нас не решается произнести их вслух. Слишком страшно признаться даже самим себе, что… всё может обернуться ещё большей трагедией.

Злата сжимает мою руку. Она понимает, о чём я думаю.

- Всё будет хорошо, - говорит она.

Только если мой муж выкарабкается, то “хорошо” для него будет означать возвращение в прежнюю жизнь, а раз так, то это - ничего хорошего для меня. Во всяком случае, теперь я уверена, как прежде уже точно не будет.

Глава 5

Утром следующего дня я снова вхожу в двери больницы, только теперь одна, без Златы.

Холодные, бездушные стены давят со всех сторон. В регистратуре уточняю информацию.

- Ковалевский Кирилл Сергеевич? - безучастно произносит девушка в белом халате, пробегая пальцем по монитору. - Жив. Остальное вам сообщит лечащий врач.

Жив. Одно это слово, произнесённое без всякого сочувствия, приносит лишь временное короткое облегчение.

Жив. А дальше?

Мне называют номер палаты реанимации и я, собравшись с духом, направляюсь туда.

А в коридоре я вижу её...

“Любимая” свекровь нервно меряет шагами коридор. Спина как всегда идеально прямая, причёска - волосок к волоску. В любой ситуации она умудряется выглядеть безупречно. В её глазах - смесь тревоги и неприязни, направленной в мою сторону.

Мы и без того никогда не ладили. Светлана Петровна всегда считала, что я недостойна её образцового Кирюши.

Я замираю на мгновение. Подходить к ней сейчас - всё равно, что с голой ж... лезть на осиное гнездо. И, тем не менее...

- Светлана Петровна, - произношу я с отстранённой вежливостью, тихо, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и спокойно.

Она медленно окидывает меня с головы до ног, словно ищет причину для ссоры. Я подхожу ближе и тоже останавливаюсь перед закрытой дверью реанимации.

Мы обе ждём врача, который, со слов медсестры, после обхода, расскажет нам о состоянии Кирилла.

Свекровь буравит меня взглядом.

- Почему ты не ночевала здесь? - Ни “здравствуй”, ни тебе “спасибо” за то, что сообщила о трагедии с сыном. Первым делом она задает мне только этот вопрос. В её голосе слышится суровый упрёк.

От неё исходит такой бурный натиск, что на секунду я чувствую себя маленькой девочкой, которую за серьёзный проступок строго отчитывает мама.

- Доктор сказал, что не стоит оставаться. Что лучше отдохнуть, чтобы быть в форме, когда понадоблюсь, - отвечаю я, стараясь говорить спокойно, не выдавая внутреннего напряжения. Но это вряд ли служит ей аргументом.

- А ты, конечно, послушалась. Удобно ведь, правда? - в её голосе столько яда, что можно было бы отравить небольшой город. - Спишь себе спокойно в удобной мягкой постельке, пока мой сын…

Она осекается, не договаривая. Но я и так понимаю, что она хотела сказать. “…умирает в реанимации” - читается между строк.

- Я не могу находиться здесь постоянно, Светлана Петровна, - говорю, стараясь держать эмоции под контролем. - Я тоже человек, мне нужно время, чтобы прийти в себя.

- Время прийти в себя? - переспрашивает она, презрительно усмехаясь. - Ты из себя-то никогда и не выходила! Кирюша окружил тебя таким теплом, любовью и заботой, что и не снились никому! Ты с ним и горя не знала! А вот, когда ему понадобилась поддержка, ты тут же прячешься в кусты? Говоришь, врач не советовал? Мне плевать, что он советовал! Твоя работа сейчас быть здесь, рядом с моим сыном, чтобы Кирюша знал, что ты есть!

Светлана Петровна впивается в меня взглядом и, заламывая руки продолжает:

- Ты хоть понимаешь, что могло случиться? Что он чуть не… - она снова осекается, словно не в силах произнести это слово.

- Я понимаю, что вам страшно, - отвечаю тихо. - И мне тоже...

- Тебе страшно? - она смотрит на меня с недоверием. - Не думаю. Если бы тебе было действительно страшно, ты бы не ушла отсюда ни на минуту. Ты бы дежурила здесь, как верный пёс, ожидая любой весточки. Но тебе ведь проще повременить, пока всё само собой разрешится.

И почему у меня складывается впечатление, что моё мнение в этом разговоре никого не интересует?

Я чувствую, как во мне закипает гнев, но стараюсь сдержаться. Нет смысла вступать с ней в перепалку. Это ничего не изменит. Только накалит и без того непростую обстановку.

- Я здесь, Светлана Петровна, - говорю, стараясь сохранять спокойствие; несмотря на то, что держусь на морально-волевых. - Так же как и вы жду новостей о Кирилле. Это всё, что имеет значение.

Она молчит, недовольно поджимая тонкие губы. Она видит во мне причину всех бед Кирилла, его несчастий и проблем. И за прошедшие восемнадцать лет я уже устала доказывать ей обратное.

Я закусываю губу. Говорить с ней сейчас - как метать бисер перед свиньей. Она слышит только то, что хочет слышать, и видит только то, что хочет видеть.

К счастью, на горизонте появляется врач.

Светлана Петровна, словно по команде, выпрямляет спину и устремляется к нему. Я иду следом, чувствуя, как дрожат колени.

- Доктор, - выпаливает Светлана Петровна, перекрывая мой возможный вопрос. - Как мой сын? Ковалевский Кирилл?

Попов устало потирает переносицу. Видно, что эта ночь выдалась для него тяжелой. Его взгляд скользит по нам обеим.

- Состояние стабильно тяжёлое, - говорит он, обращаясь ко мне; его голос звучит глухо. Затем поворачивается к Светлане Петровне. - Мы сделали всё, что могли.

Светлана Петровна ахает и хватается за сердце.

- Что это значит? - шепчет она, её глаза наполняются слезами.

- Операция была сложной, - объясняет Попов, стараясь говорить как можно мягче. - Мы его, можно сказать, по частям сшили. За ночь нам удалось стабилизировать его состояние. Сейчас главное - чтобы организм справился.

- Вы же его спасёте? - умоляюще смотрит на него Светлана Петровна. - Мой сын будет жить?

Попов опускает глаза. Я знаю этот взгляд. Он говорит: “Я сделаю всё, что в моих силах, но обещать ничего не могу.”

- Мы делаем всё возможное, - повторяет он. - Сейчас пациент находится под наблюдением. Важно, чтобы не было осложнений.

- А когда… когда можно будет его увидеть? - спрашиваю я.

Светлана Петровна бросаетна меня злобный взгляд, словно я пытаюсь украсть у неё право задавать вопросы.

- Сначала нужно дождаться улучшения его состояния, - отвечает врач. - Сейчас ему нужен покой. И, честно говоря, посещения в реанимации, даже родственников, не всегда идут выздоравливающим на пользу.

- Я что-то могу для него сделать? - спрашивает Светлана Петровна.

“Ага! Ляжь рядом с ним”, - саркастично шепчет мой внутренний голос. Может, и не к месту, но, как говорится, на злобу дня.

Попов на мгновение задумывается, а затем отвечает:

- Ждите. И верьте в лучшее.

Глава 6

Светлана Петровна отводит доктора в сторону и начинает что-то горячо ему доказывать. А мои ноги словно живут своей жизнью, неосознанно несут меня в соседнее отделение, в палату интенсивной терапии.

Останавливаюсь перед дверью. Оглядываюсь по сторонам. Ни медсестер, ни посетителей. Сердце стучит в бешеном ритме.

Делаю глубокий вдох и решительно вхожу.

На больничной кровати всё также лежит Лиза. Только теперь она в относительном порядке, потому что находится в сознании и уже копается в своем телефоне.

Словно в замедленной съёмке наблюдаю за тем, как она переводит взгляд с экрана гаджета на меня. Несколько раз тяжело сглатывает. Бледнеет. Я буквально вижу, как в ее голове крутятся шестеренки, перебирая возможные варианты развития событий.

В её глазах проскальзывает испуг и неуверенность... вина. Но вот насколько все эти эмоции искренни?

- Ася Юрьевна, - приветствует она меня; её голос едва слышен.

Внутри меня всё обрывается. Ненависть, злость, презрение отступают, сменяясь оглушающей болью. Смотрю на Лизу, и в данный момент вижу перед собой не разлучницу, не врага, а просто запутавшуюся девчонку, которую когда-то любила, оберегала, которой доверяла. Девчонку… которая мне была как дочь.

Забыв про гнев, про причиненную боль, я чувствую лишь одно - нестерпимую потерю.

- За что? - выдыхаю я, и этот вопрос звучит скорее как крик души, чем как обвинение.

Лиза смотрит на меня, её глаза полны слез. Кажется, что сейчас она готова провалиться сквозь землю.

- Я… я не знаю, Ася Юрьевна, - шепчет она, и это звучит жалко. - Правда не знаю.

- Как ты могла? - мой голос срывается и дрожит, но уже не от злости, а от разочарования. - Я же тебе доверяла. Ты была мне… как дочь, Лиза!

Слёзы катятся по моим щекам, и я даже не пытаюсь их остановить. Боль пронзает меня насквозь.

Как можно было так обмануть? Как можно было предать?

- Я знаю, я… я чудовище, - всхлипывает Лиза. - Я знаю, что разрушила всё… Мне очень жаль.

- Жаль? - в моем голосе звучит едкая горечь. - Тебе просто жаль?

Пауза повисает в воздухе. Лиза опускает глаза, не в силах выдержать мой обвиняющий взгляд.

- Я не хотела… чтобы так получилось, - тихо произносит она. - Чтобы вы так узнали. Я думала, что… Всё будет по-другому.

- Как по-другому? - спрашиваю я, и в моём голосе слышится ирония отчаяния, сарказм безысходности. - С цветными воздушными шариками и радостным криком: “Тада-а-ам”?

- Всё не так, Ася Юрьевна... - она хочет сказать что-то ещё, но замолкает. Видимо, понимает, что ситуацию уже не исправить.

И тут же меняется в лице. Её слёзы мгновенно высыхают, взгляд становится холодным и твёрдым. Этот взгляд ни с чем не спутаешь. Взгляд уверенной женщины, которая знает, чего хочет и сделает всё, чтобы этого достичь.

- Не разыгрывай передо мной драму, Лиза, - говорю я сквозь зубы. - Я знаю, кто ты и что между вами было. Вопрос в том, зачем ты это сделала? Что ты хотела получить?

Вот теперь я вижу её настоящее лицо! Она усмехается:

- Любовь, Ася Юрьевна. Только любовь.

Моё нутро скручивает в тугой узел.

- Любовь? - отвечаю я. - Ты называешь это любовью? Исподтишка, за спиной у жены? Идя по головам?

- А что делать, если по-другому никак? - в глазах Лизы появляется какая-то маниакальная решительность. - Почему одним всё, а другим ничего? Почему вы живёте в просторной квартире в элитном районе, ездите в отпуск на море, ни в чём себе не отказываете, а я должна довольствоваться убогой крохотной съёмной комнатушкой и максимум о чём мечтать - это о новой кофточке? Знаете, это несправедливо!

Она переводит дыхание и порывисто продолжает:

- Я тоже хочу счастья, Ася Юрьевна! Кирилл даст мне всё, о чём я мечтаю.

В её голосе звучит такая смесь обиды, зависти и жадности, что меня охватывает отвращение.

- И ты думаешь, что счастье можно купить?

- А разве нет? - вызывающе отвечает она. - Мир так устроен. Кто сильнее, тот и прав. И я борюсь за своё счастье, как умею.

- Ты борешься не за счастье, а за чужие деньги, - говорю я с презрением. - Всё ради того, чтобы получить возможность безбедно существовать?

- Не суди, да не судим будешь, - парирует Лиза, сжимая губы. - Вам не знакомо, что такое жить в нищете.

Я усмехаюсь, качая головой.

- А с чего ты взяла, что Кирилл бросит меня и вы сразу будете жить в богатстве? - спрашиваю, и в моем голосе звучит явная ирония. - Ты наивно полагаешь, что он уйдёт от меня к тебе с полными карманами? Нет, милочка, всё будет гораздо прозаичнее. Кирилл уйдёт от меня с одним чемоданом. Вы оба будете работать как проклятые, снимать квартиру, потом, когда подкопите, возьмёте ипотеку, которую будете выплачивать лет двадцать, а когда наконец рассчитаетесь, и ты будешь думать, что вот теперь вы заживёте...

Я делаю паузу, глядя, как на лице Лизы отражается недоверие.

- ... Он поймёт, что совершил ошибку, бросив привычный комфорт ради твоей “любви”. Поймёт, что молодость уходит, а вместе с ней и былая страсть. И будет искать что-нибудь на стороне.

- Этого не будет, - тихо произносит она. - Кирилл любит меня.

- Любит? - усмехаюсь я. - Он любит твою молодость, твою красоту, твою готовность исполнять все его желания. Но это не любовь, Лиза. Это просто увлечение. А когда ты перестанешь быть интересной, он найдёт другую.

Тут дверь резко распахивается, и в палате появляется негодующая Светлана Петровна. Её привычная внешняя безупречность грубо нарушена - прядь волос выбилась из прически, и это лишь подчеркивает степень её праведного возмущения. Похоже, врач всё же рассказал ей о том, что в момент аварии в машине Кирилл находился не один.

- Что здесь происходит? - в её голосе зазвучат резкие, визгливые нотки раздражения. - Ася, я тебя спрашиваю!

Я делаю шаг в сторону, освобождая ей пространство для маневра.

- Судя по последним событиям, это ваша новая невестка, - говорю я. Мой голос, в отличие от её тона, спокоен, но в нём слышится решительное “хватит”. - Теперь ей кровь сворачивайте.

С этими словами я разворачиваюсь и ухожу, оставляя Светлану Петровну наедине с юной разлучницей. Пускай обе наслаждаются обществом друг друга.

Глава 7

Я больше не возвращаюсь к палате реанимации.

Не оглядываюсь, не замедляю шаг. Просто выхожу из больницы, сажусь в машину, завожу двигатель и еду домой.

Мысли путаются, как клубок старой пряжи...

Как такое вообще могло произойти?

Как я могла быть настолько слепа?

Ну не может же женщина ничего не замечать... Или, может?

Обида жрёт нервы. На глаза наползают слёзы.

Как давно?

Как серьёзно?

Разве это важно? Важно! Когда настолько болит, а чувства и эмоции настолько непереносимы, то хочется сделать себе ещё больнее. Так, чтобы прям максимально. В надежде на то, что когда ты испытаешь все грани боли - тебе будет легче обрести от неё свободу. Нечто сродни самоповреждению.

Дома всё кажется мне чужим и каким-то неправильным, потому что здесь каждая вещь пропитана воспоминаниями. Но я держусь. Не даю волю эмоциям, пока не закончу то, что задумала.

Подхожу к шкафу, где висят вещи Кирилла. Достаю с антресолей два больших чемодана - одного точно будет мало. Кладу их на кровать и начинаю собирать его вещи.

Аккуратно снимаю с плечиков брюки, рубашки, пиджаки. Сворачиваю каждую вещь, стараясь не думать ни о чём. Мои движения выверены и точны. Никакой спешки. Я словно бесчувственный робот, выполняющий заданную программу.

Вот его любимый свитер с оленями и снежинками, который я подарила ему на прошлый Новый год. Тогда он смеялся, потому что сразу вспомнил про этот мем, но всегда носил его с удовольствием. Сворачиваю и его.

Перебираю и укладываю его носки, галстуки, нижнее бельё. Ничего не должно остаться. Ни единой вещи, которая будет напоминать мне о нём.

Заполняю чемоданы доверху. Тяжелые, они словно символизируют груз, скинутый с моих плеч.

Закрываю их, защёлкиваю замки и оставляю в прихожей, у двери. Пусть стоят и ждут своего хозяина. Когда Кирилл придёт в себя, они встретят его у порога. Вместе с заявлением о разводе, которое я положу сверху.

***

Проходит неделя.

Несмотря на бушующие внутри эмоции, я не позволяю себе скатиться в уныние. Квартира сияет чистотой, ужин всегда готов, хотя аппетит отсутствует напрочь.

За это время я связываюсь с адвокатом, подписываю бумаги и запускаю механизм развода.

Периодически звоню в больницу, в регистратуру, чтобы узнать о состоянии мужа. Мне необходимо оставаться в курсе событий. Каждое утро начинается с этого звонка. Но ответы остаются неизменными: “Без изменений”, “Состояние стабильно тяжелое”, “В сознание не приходит”.

Аня до сих пор гостит у моих родителей, наслаждаясь последними днями каникул. Я намеренно оттягиваю момент её возвращения. Не хочу травмировать её раньше времени.

Надеюсь, что к её возвращению ситуация хоть как-то разрешится.

Вам знакомо тягостное ощущение, когда хочется, как говорится, чтобы уже “к одному концу”?

К концу этой неопределенности, к концу этой боли, этой тягостной тишины, которая давит на меня со всех сторон.

Невыносимо хочется знать, что будет дальше.

В один из вечеров, когда я уже заканчиваю проверять бухгалтерские отчёты и собираюсь выпить травяной ромашковый чай, на экране телефона высвечивается знакомый номер больничной регистратуры.

Сердце сжимается, но я стараюсь не показывать волнения. Глубокий вдох и уверенное:

- Слушаю, - произношу я.

В трубке раздается взволнованный голос дежурной медсестры:

- Ася Юрьевна? Это из больницы, регистратура. Не могли бы вы срочно приехать? Состояние Ковалевского Кирилла Сергеевича изменилось.

Чувствую, как мурашки пробегают по спине. Изменилось? В лучшую или в худшую сторону? Но медсестра не вдается в подробности.

- Я сейчас же буду, - отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Отключив телефон, на мгновение замираю, собираясь с мыслями. Без паники. Нужно взять себя в руки.

Выпиваю залпом стакан воды, накидываю пальто и выхожу из квартиры.

Сажусь в машину, завожу двигатель. Руки слегка дрожат, но я стараюсь сохранять спокойствие. Что бы ни случилось, нужно быть сильной. Ради себя, ради Ани.

Дорога в больницу кажется бесконечной. Каждая минута тянется, словно резиновая.

Я стараюсь не думать о плохом, но мысли навязчиво возвращаются к Кириллу.

Неужели это конец? Нет. Не может быть.

По приезду паркую машину и бегу к главному входу. В приёмном отделении задерживаюсь ненадолго. Медсестра сразу же отправляет меня в отделение реанимации:

- Доктор вам всё объяснит.

Я быстро поднимаюсь на нужный этаж.

Стены давят, воздух кажется спёртым. Каждый шаг отдается гулким эхом в голове.

- Что случилось? - спрашиваю я, стараясь сохранять ровный голос, как только вижу врача.

Попов вздыхает.

- Пройдемте в кабинет, я вам все объясню, - говорит он и кивает на дверь своего кабинета с табличкой: “Попов А.В. Заведующий отделением реанимации”. Лицо у него серьёзное, но не трагичное. Это уже хорошо. Или плохо?

Внутри всё дрожит.

Вхожу. Сажусь на стул, ожидая приговора. Попов устраивается в кресле напротив и внимательно смотрит на меня.

- Ася Юрьевна, произошло… - начинает он, - иначе как чудом это не назовешь. Ваш муж пришёл в себя. С его травмами… Это просто невероятно.

Я замираю, не веря своим ушам.

- Что? - переспрашиваю, как будто не расслышала. - Он... очнулся?

- Да, - подтверждает доктор, и на его лице появляется сдержанная улыбка. - Он в сознании, реагирует на вопросы. Конечно, пациент ещё очень слаб, но это огромный прорыв. К сожалению, есть и нюансы.

Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.